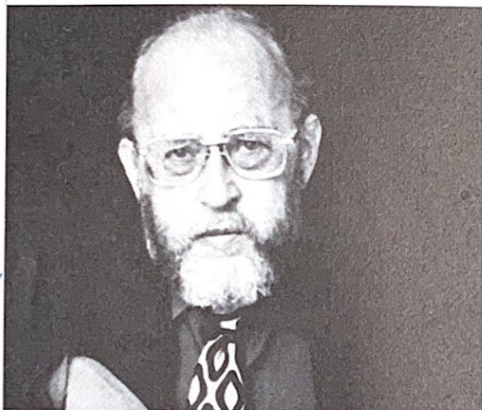

«ЧЕРТОГОН»

ИНТЕРВЬЮ
С НИКОЛАЕМ СИДЕЛЬНИКОВЫМ

Николай Сидельников (1930) особенно успешно работает в области хоровой, вокально-инструментальной музыки и музыкального театра. Для многих его сочинений характерно стремление к программности, почти живописной образности, необычному звуковому колориту.

Николай Сидельников рассказывает о своих произведениях для музыкального театра:

„Музыкальный театр всегда привлекал меня. В этом жанре мне импонирует возможность синтеза слова и музыки, я считаю оперу одной из самых совершенных форм искусства, которая требует наивысших духовных и профессиональных усилий. Уверен, что, несмотря на всю сложность, опера тем не менее очень демократична. Мне кажется, что ее специфика позволяет композитору ненавязчиво и в то же время последовательно донести до зрителя свои идеи.

Когда-то я написал детскую оперу „Аленький цветочек“, сейчас работаю над оперой „Бег“ по пьесе Михаила Булгакова.

В прошлом году завершена сатирическая диалогия „Чертогон“. Первая опера, „Загул“, должна идти вечером, вторая „Похмелье“, по моему замыслу, — утром. Обе части объединены общим сюжетом, без первой не будет ясна концепция второй и наоборот.

Либретто оперы, сочиненной мною по предложению музыкального руководителя будущей постановки, дирижера Геннадия Рождественского, написано при его участии. В основе — очерк русского писателя XIX века Николая Лескова. Из небольшого сюжета о загулявшем купце я стре-

мился сделать произведение, построенное как ряд сцен русской жизни, и в результате получилось довольно продолжительное музыкальное сочинение...

В опере использовано много яркого, сочного, во многих отношениях уникального материала, как музыкального, так и текстового; думаю, это будет интересно и любителям российской словесности, и поклонникам старины. Хотя я попытался воссоздать определенный колорит прошедшей эпохи, надеюсь, что мне удалось сочинить вполне современную по духу вещь. Хотелось придать характерам персонажей, выведенных Лесковым, черты всеобщности, не принося, однако, в жертву их индивидуальные особенности.

Спектакли диалогии названы мною „опера-микста“. Этот термин восходит к очень давним временам. Так в Италии назывались произведения, в которые включалась музыка разного рода, нередко даже уличные песенки. Я воспользовался этим жанром, чтобы создать особую музыкальную атмосферу. В партитуре много цитат из классической музыки, но это не коллаж. Подобный прием имеет для меня значение музыкальной символики, является средством, чтобы подчеркнуть тот или иной узловый момент драматургии оперы.

В диалогии включен также своеобразный драматический спектакль, в котором по ходу действия раскрываются отношения между актерами, оркестрантами и директором труппы, показывается типичная закулисная жизнь театра. Свою роль играет и дирижер Геннадий Рождественский, и я с большой тщательностью и любовью выписал его партию. Мне представляется, что чрезвычайно сложная партитура оперы требует некоторой эмоциональной разрядки, и эта, по сути, самостоятельная пьеса дает возможность „передышки“ и зрителям, и актерам.

В произведении немало ансамблей. Есть, например, сцена, в которой участвуют разбитые на группы 15 человек. Каждый из них ведет свою линию, на первый взгляд не зависящую от остальных персонажей, но музыка и текст построены таким образом, что реплики одних являются комментариями к высказываниям других, и все взаимосвязано.

Это очень сложный эпизод, над которым я много трудился и переписал его более сорока раз.

Лаконичный тематический материал имеет, как правило, сквозное развитие. „Загул“, в частности, представляет собой единую развернутую композицию, все эпизоды которой устремлены к кульминационной

точке, где опера обрывается с тем, чтобы продолжиться на следующий день.

Я ставил задачу вскрыть сущность основного образа, московского купца, показать, как вдруг в бесшабашном гуляке могут пробудиться и самые низменные черты человеческой природы, и неожиданно прийти осознание важных жизненных истин. Сочиняя, старался быть одинаково доступным и неискушенному зрителю, и самым изощренным профессионалам. При этом стремился ориентироваться на недостижимый пример — „Гамлет“ Шекспира, где подобная задача решена блестяще. Рассчитываю, что вскоре в Московском камерном музыкальном театре состоится премьера „Чертогона“. Ставить спектакль будет Борис Покровский, музыкальный руководитель, как я уже упоминал, — Геннадий Рождественский.

Кроме опер, для музыкального театра я написал также балет „Степан Разин“, который уже семь лет идет в Московском музыкальном театре имени Станиславского и Немировича-Данченко. Это произведение посвящено предводителю крестьянского восстания в России XVII века. Работая над балетом долгих четыре года, я вдохновлялся словами великого Пушкина о том, что Разин — одна из самых поэтических фигур русской истории. Балет состоит из трех актов, развивающихся по законам сонатно-симфонического цикла. Мои композиторские пристрастия распространяются и на хоровую музыку, которая представляется мне близкой по духу театральному действию. Судьба подарила мне счастье сотрудничать с Государственным камерным хором Министерства культуры СССР под руководством Валерия Полянского. Для этого талантливого коллектива я написал ряд произведений: „Сокровенны разговоры“ на русские народные тексты, „Романсеро о любви и смерти“ на стихи Гарсиа Лорки, две тетради „Сычуаньских элегий“ на стихи китайского поэта Ду Фу, „Фрагмент из Фаэтона“ (на латинском языке) на текст Овидия Назона, хоровую поэму „Вечернее моление о мире“ (из древнееврейской народной поэзии).

Я не случайно обращаюсь к разным языкам, к творчеству разных народов. По мысли моего любимого философа Платона, истинно национальное является одновременно общечеловеческим, и поэтому мне хочется своими скромными силами доказать людям, что в наш тревожный век все-таки существует больше вещей, которые объединяют людей, чем разделяют их“.